

К МЕТОДОЛОГИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Ю.М. ШИЛКОВ

Шилков Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор кафедры философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Научные интересы: проблемы онтологии, теории познания, методологии науки, философской антропологии, философии и психологии сознания, философии языка, психологии культуры.

Публикации (общее число — свыше 100): «Гносеологические основы мыслительной деятельности» (СПб., 1992); «Основы теории познания» (СПб., 2000, в соавт.); «История и методология науки: феномен специализированного познания» (СПб., 2004, в соавт.); «Философия: учебник для вузов» (М., 2004, соавтор и редактор).

Контакты: shilkov@js12322.spb.edu

Резюме

Предпринята попытка уточнения некоторых особенностей психологического познания с точки зрения современной методологии науки. Прежде всего, оговаривается различие между методологией познания в классической и современной науке. Затем предлагается эскиз обсуждения трех вопросов:

- 1. Каковы условия установления психологического факта? 2. Каков характер объективности и условий возможности психологического исследования?*
- 3. Третий вопрос связан с проблемой истины в теории психологического познания. Элемент особого внимания присутствует при прояснении специфики психологического эксперимента.*

1. Начну с соображений о разнице между методологией познания в классической и современной науке. Общим необходимым основанием таких различий оказывается понятие научной рациональности. Конечно, его полезность никоим образом не исчерпывается задачей на такое различие. В классической науке (XVII–XIX вв.) имела место недооценка методологического обоснования познания. До сих пор бытует стихийное и распространенное убеждение ученых (психологи — не ис-

ключение) в том, что любые отрасли науки возникали и развивались по мере выявления и решения конкретных проблем; при этом методологические соображения, как правило, не принимались в расчет исследователем: он не придавал им значения. Однако в течение нескольких последних десятилетий познавательная ситуация в науке изменилась. Хотя сама по себе повседневная научная работа по-прежнему приносит какие-то плоды, без методологической рефлексии познания в любой научной

дисциплине сегодня обойтись уже нельзя. Во всяком случае, классическое представление о практике научного познания не приближает нас к истинному пониманию положения дел в современной науке.

Так, классическая наука ограничивалась наивным представлением о «простом» описании и последующей систематизации (классификации) фактов. Достаточно напомнить ходячий тезис «гипотез не измышляю». Современная методология эмпирического познания предлагает, во-первых, обратить внимание на проблематическое представление факта («факты 1» и «факты 2»); во-вторых, прояснить лингвистическую (терминологическую) природу фактофиксирующих предложений; в-третьих, помнить о теоретической (гипотетической) нагрузке эмпирического описания (обобщений).

Что касается методологии теоретического познания, то в классической науке обычно сосредоточивались на объяснительной функции теории. Основные положения теории уже содержались в предположительном строе рассуждений обоснованной гипотезы. Теория приобретала свои отвлеченно-понятийные черты постепенно за счет ресурсов последовательного обобщения опытных данных. Скажем, законы планетарного движения в классической физике явились результатом последовательных сличений данных наблюдений с выдвигаемыми гипотезами (например, известная последовательность опытных шагов по формулировке закона эллиптического движения планет, предпринятая И. Кеплером). Как показывает история развития классической науки,

теория могла существовать и получать дальнейшую разработку и модификации независимо от эмпирических (экспериментальных) результатов. Проверка классической научной теории ограничивалась процедурами ее опытного подтверждения.

Безусловно, методология современного научного познания опирается на классические принципы. Вместе с тем среди методологических новаций, инициированных в философии XX в., можно выделить следующие. Имеет место смещение центра тяжести с теоретического монизма в классической науке в сторону теоретического плюрализма в современной науке, следствием чего является феномен теоретической конкуренции в различных областях естествознания (не говоря уж о гуманитарном знании). Конкурентная способность теории определяется не только ее объяснительным и прогностическим потенциалом. Существенная роль в теоретическом познании отводится, например, процессам математизации, формализации, другим логико-лингвистическим процедурам. Роль современного мысленного (численного, компьютерного) эксперимента или моделирования в теоретическом знании трудно переоценить. Конкурентные отношения между теориями выступают в роли важнейшего фактора их когнитивного развития. Еще один момент современной методологии теоретического познания фиксирует опытную (практическую, прикладную, экспериментальную) нагрузку теории.

2. Какой бы степенью конкретности ни обладало психологическое исследование (в терминах как эмпирико-экспериментальной, так и теоретической

психологии), его первый методологический шаг состоит в уточнении своей предметной области. Напомним, что границы предметной области психологии как науки и в ее пределах любой исследовательской процедуры прямо или косвенно определяются свойствами понятия психики и разнообразием его производных. Дифференциация психических свойств на свойства сознательной и бессознательной психики предполагает разделение предметной компетенции между психологией и психоанализом. В связи с уточнением и конкретизацией предметных признаков психологии как науки возникает вопрос о ее дисциплинарном строении. С методологической точки зрения дисциплинарный образ психологического знания предполагает совокупность дисциплин разного уровня общности.

Создается впечатление, что психологи как бы боятся делать разбор понятия психики, принимая его в качестве само собой разумеющегося известного принципа исследования. Поэтому разговор о методологии психологического познания необходимо предварить вопросом о том, что скрывается за понятием психики. То обстоятельство, что содержание понятия психики сделалось весьма произвольным, расплывчатым, не может не вызывать беспокойства. Во-первых, изучая явления, психологи прямо или косвенно связывают их с предметной сферой психического. Если делается такое допущение, то тогда, во-вторых, возникает вопрос о соответствии методов (средств, форм, приемов) любого психологического исследования его предметной области.

Обязательность предметно-понятийной квалификации психики предполагает, что любое исследование, заявляющее о своем научном статусе, стремится прояснить ключевые эпистемологические вопросы. 1. Каковы условия установления психологического факта? 2. Каков характер объективности и условий возможности психологического исследования? Вопрос о методологическом статусе психологического (научного) факта и вопрос об «объективности» и сегодня находятся в центре внимания методологической дискуссии о природе психологического познания. 3. Насколько истинно психологическое знание? Разберемся в этих вопросах, но лишь в самом первом (точнее, эскизном) приближении.

3. Классический тезис о «спасении явлений (фактов)» является сегодня элементом старого реквизита, за который, впрочем, хватаются и поныне многие психологи. Полагать, будто бы психологический эксперимент по своим предметно-понятийным и технологическим особенностям можно редуцировать к естественнонаучному (физическому, биологическому) эксперименту, было бы просто опрометчиво. Во-первых, тех технологий, от применения которых сегодня зависит продуктивность и истинность физического или биологического эксперимента, в психологическом эксперименте просто нет. Во-вторых, если физик или биолог экспериментируют с явлениями соответствующей природы, так сказать, «напрямую», «непосредственно», то психолог не может пренебречь особенностями того явления (человека, человеческих отношений), с которым он вступает в когнитивные отношения. Специфика

психологического эксперимента начинается с учета предметной корректировки изучаемого явления психической (человеческой) реальности. (О зоопсихологии в данном случае разговор не ведется.) Так, например, экспериментатор должен учитывать, что испытуемого будут беспокоить не столько те задачи, которые перед ним поставлены экспериментатором, сколько наличие собственного мнения и представления о возможностях их решения. Дело в том, что поведение и действия испытуемого (испытываемых) непосредственно не зависят от экспериментальной ситуации. Посредниками при проведении эксперимента оказываются мнения, образы, представления испытуемого, которые он составил о чем-либо или о ком-либо. Мнения испытуемого формируют его жизненный опыт (повседневный, коммуникативный, познавательный и т. п.), управляют его действиями. Вот почему вопрос о том, насколько вообще психология (психологи) в состоянии постичь и репрезентировать (воспроизвести) реальное событие (факты 1), сохраняет свою дискуссионность и в наши дни. Считать, что модель естественнонаучного познания претендует на монополию и универсальный идеал любого исследования, а поэтому может быть пригодна в любой науке, не оправданно.

4. Вопрос об «объективности». По-видимому, с методологической точки зрения целесообразно строить теорию психологического познания как объективной возможности. Подобный опыт методологической рефлексии как в методологии естественнонаучного, так и в методологии гуманитарного познания уже

существует. Речь идет о том, что, например, изучение явлений психологической реальности есть их рациональное конструирование (представление, моделирование). Основа разделения дисциплинарного сообщества в психологии как науке представлена не так называемыми фактическими связями (связями явлений психической реальности), а рациональными отношениями проблемных форм их предметно-теоретического выражения. Хочу подчеркнуть, что объективность психологического познания подразумевает не отражение реальности в понятиях, а рациональное конструирование психической реальности в терминах конкретной психологической дисциплины. Одна из лидирующих функций при обосновании объективности отводится языку (как эмпирической, так и теоретической психологии), а также психологической терминологии (работа с термином как отдельная тема в методологии познания).

Отсюда вывод. Психологическая теория не является отражением психической реальности или какого-то конкретного психического явления, а представляет собой конструкцию, модель этой реальности или конкретного явления; при этом такая теория нуждается в опытном, эмпирическом обосновании. Понятие психологической теории нагружено экспериментальными возможностями. Поэтому она не является теорией о психологической реальности как таковой, а позволяет взглянуть на реальное положение дел в модусе возможного теоретического знания. В этом качестве всякая конкретная научно-психологическая теория является ответом на поставленные

вопросы. Разбор, анализ таких вопросов оказывается существенным условием объективности психологического исследования. Более того, если рефлексивные способности экспериментатора и теоретика позволяют ввести поправки на собственную субъективность и тем самым скорректировать результаты, то подобный феномен осознанной субъективности становится моментом обоснования объективности знания. Наконец, еще одно обстоятельство, обосновывающее объективность психологического знания, заключается в безупречной логике доказательств и рассуждений психолога.

Таким образом, обоснование объективности предполагает психологическую теорию как теорию возможного знания о психической реальности. Среди других ключевых моментов можно назвать работу с языком (терминами), рефлексии собственной субъективности и устранение ее возмущающего воздействия, а также вопрос о логической правильности всех построений.

5. Что касается вопроса об истинности психологического знания (в первую очередь теории), то можно напомнить, что классическая характеристика истины как соответствия (адекватности) знания действительности в современной методологии науки все больше становится анахронизмом. Процедуры проверки или

опровержения, критерии очевидности, конвенциональная теория истины и др. сами по себе являются косвенными приемами, с помощью которых устанавливается истинность результатов. Если говорить об истине как цели исследования, то появляется соблазн подменить истину выгодой, пользой, ценностью. Правда, все эти прагматические заменители истины часто играют весьма продуктивную роль в познании, и поэтому от них нельзя отказываться, впрочем, так же как и от других приемов ее установления. Логические экспликации, идея когерентности истины должны находить апробацию в психологической теории, при выдвижении гипотез. Замечу, что традиционное различие между гипотезой и теорией сегодня все больше и больше стирается, особенно в связи с внедрением в экспериментальную практику электронно-информационных (численных) технологий. И все же сам по себе вопрос обоснования гипотезы в научном познании сохраняет свою методологическую значимость. Эта процедура позволяет отличить выдвижение научной гипотезы от выдвижения других гипотетических суждений. Методология обоснования научной гипотезы позволяет обезопасить научное психологическое исследование и его результаты от всевозможных псевдоисследовательских форм, маскирующихся под науку.